

Евгений НОВИЦКИЙ, Андрей ДОБРОЛЮБСКИЙ

ПРЕДЫСТОРИЯ ОДЕССЫ

----- Предисловие и глава из новой книги -----

Женя, Джон, Джонни

С Женей Новицким мы познакомились осенью 1970 года, когда он только поступил в университет, сблизился едва ли не с первого взгляда и продолжали дружить всю жизнь. Откуда-то у него появилось "домашнее" имя "Джон" — так его стали называть почти все его любящие друзья (и недоброжелатели). Общаться с ним было необычайно весело и симпатично — это могут подтвердить все, кто его знал. Джон как никто умел превращать жизнь в праздник. Умел вовремя и как-то ненавязчиво помогать и выручать. У него был какой-то Божий дар умения дружить. Наверное, в этом и был секрет его обаяния — неизменная веселая доброжелательность, оптимистичная небрежность, блеск высказываний и поступков, парадоксальное остроумие. В самых печальных обстоятельствах он ухитрялся оставаться неунывающим, веселым и жизнерадостным.

Не менее радостно и приятно было с ним работать — он всегда ухитрялся превращать любое занятие в веселый праздник. В археологических экспедициях это проявлялось особенно ярко. Как он пел под гитару у костра! Какой успех у дам! Все восхищались и завидовали. А как виртуозно он умел копать! Как он "видел" землю! Многие археологи любят кичиться тщательностью и "чистотой" раскопных отвалов. Однажды, будучи в гостях на одном из античных памятников, ранним утром и не в самой спортивной форме (т. е. с дикого перепоя) мы подошли к такому многократно просмотренному отвалу. Джон небрежно и лениво наклонился, поднял комочек земли, помаял его в пальцах. И... у него в руках оказалось свернутое письмо на свинцовой пластине — редчайшая находка во всей античной археологии Причерноморья. Никогда не забуду лица начальника экспедиции.

В науке Джон был не менее блестящ. Уже в студенческие годы проявились его редкое для археолога "герменевтическое" чутье, острая приметливость, великолепная искусствоведческая интуиция и удивительный талант истолкователя древних культурных смыслов. Наверное поэтому он до многих вещей, которые сейчас считаются очевидными, додумывался первым. В дипломной работе о наскальной живописи эпохи палеолита он первым обратил внимание на то, что на ранних этапах древние художники не различали синий и зеленый цвета. И проследил, как именно в последующем эволюция цветного зрения у человека способствовала его становлению как homo sapiens и победе в межвидовой борьбе.

Исчезновение или вырождение наскальной живописи в эпоху мезолита являлось научной загадкой. Е. Новицкий первым сумел увидеть изображения животных в геометрических микроритах той эпохи — кремневых наконечниках стрел, скребках, ножах и др. А в таинственных и, казалось бы, совершенно бессмысленных трапециях — символические головки быков. Так ему удалось внятно объяснить отсутствие наскальной живописи в эпоху мезолита — она просто переродилась в иной вид искусства — схематическое изображение животных было воплощено в самих орудиях труда.

Такие же головки быков — так называемые букрании — он увидел и в камнях кромлехов, обрамлявших по периметру насыпи курганов эпохи энеолита-бронзы. В самих кромлехах и рвах вокруг этих насыпей он первым увидел змей, свернувшихся в кольцо. Его дару такого видения поразились коллеги. "...К нам приехал мой давний товарищ, одесский

археолог Джон — Евгений Новицкий, — пишет доктор исторических наук Е.В. Яровой в книге "Мистика древних курганов". — Как обычно, он приехал на велосипеде, потратив полтора дня на дорогу. Человек увлеченный и прекрасно знающий древнюю идеологию, он всегда давал интерпретацию новым находкам и зачастую приходил к неожиданным научным выводам. Именно он несколько ранее обратил внимание на зооморфные камни в кромлехе и первым определил их как букрании — каменные изображения быков".

В стелах — каменных изваяниях скотоводов ямной культуры — он (также первым) истолковал изображения человеческих стоп, объяснил выемки, насечки на них как точки акупунктуры, которыми и сегодня пользуются в практике лечебного иглоукалывания. Он же первым определил значение изображений посохов и стоп-сандалий как сакральные символы и неперенные атрибуты достижения "того света", тридцатого царства, когда после посещения мира умерших посох превращается в знак и символ власти. А изображения позвоночника, ребер, лопаток, копчика-хвоста интерпретируются как знаки аскезы, принятие которой характеризует подвижничество человека для обретения высшего знания и связи с миром высших существ.

Все эти идеи (а их вполне можно назвать и открытиями) были опубликованы в серии статей, обобщены в кандидатской диссертации (Ленинград, 1986) и монографии (1990) в виде стройной и совершенно оригинальной концепции развития первобытного искусства и идеологии. Она производила сильное научное впечатление. Возможно, поэтому его одесские "товарищи по археологическому цеху" высказывались о его семиотических идеях пренебрежительно и иронично, считали их надуманными и даже высмеивали. Но — только за глаза. Зато, как это часто бывает в жизни, после Жениного отъезда в Америку его концепция стала считаться самоочевидной. А ее автора постарались забыть. Ока-

завшись "бесхозными", его идеи прямо "заимствовались" академическими "коллегами" без всякого упоминания автора.

В археологической среде Одессы 1970-80-х гг. Джон, несомненно, выделялся своей одаренностью. Многие ему завидовали, раздражала "легкость", с которой ему все удавалось. Возможно оттого его никогда не брали на "престижную" археологическую работу. Только временно: летом — рабочим или лаборантом в экспедиции, зимой — экскурсоводом. Поэтому в археологии он "считался" дилетантом. Поэтому же и его статьи со скрипом принимались в академические издания. Женя вынужден был работать кем угодно: выемки, грузчиком, страховым агентом, учителем, кружководом в районном доме пионеров. Забавно — он оставался талантливым и смешливым на каждом из этих поприщ. Его обожали рабочие и администрация ЖЭКов, руководители народного образования. А кандидатскую диссертацию по археологии Женя защитил под овации в престижнейшем ученом совете в Ленинграде, работая тогда сантехником в одном из одесских ЖЭКов.

В умении организовывать археологические экспедиции Джону просто не было равных. И в 1988 году научная судьба как будто попыталась ему улыбнуться — удалось создать при Управлении культуры облисполкома Одесский охранный археологический центр, руководителем и душой которого стал Евгений Новицкий. Ему удалось оживить тусклую археологическую жизнь Одессы — в считанные месяцы центр окреп и мощно заработал. Были проведены масштабные археологические разведки и раскопки, начаты археологические исследования Измаила, открыта переправа у с. Орловка, налажена система археологической экспертизы и охраны памятников в Одесской области. Он же инициировал и организовал проведение первых чтений памяти профессора П.О. Карышковского, издал их тезисы и материалы. Была создана Черноморская ассоциация археоло-

гов и любителей древности. Джон стал первым председателем ассоциации и издателем двух выпусков ее трудов. Последним выпуском стала его монография "Монументальная скульптура древнейших земледельцев и скотоводов Северо-Западного Причерноморья".

За что бы он ни брался — все получалось блестяще и талантливо. А "когда люди видят чужой талант, они просто звереют от зависти и ненависти", — писал нобелевский лауреат Исаак Зингер. И действительно, уже через два полевых сезона властные академические и управленческие структуры, увидев в Одесском археологическом центре сильного конкурента, завалили его комиссиями. В результате половину ведущих научных сотрудников во главе с Новицким уволили за археологическую некомпетентность и неумение копать. А оставшихся "компетентных" лаборантов во главе с номенклатурным начальником перевели в общество охраны памятников. Разумеется, там этот центр и скончался.

Джон снова оказался археологическим "бомжем". Кажется, тогда ему впервые изменило чувство юмора — это уже действительно было не очень смешно. И после бесконечных, длившихся два десятилетия попыток устроиться на работу археологом, в дни августовского путча 1991 года Женя Новицкий с семьей вылетел в Нью-Йорк, навсегда покинув наш город. Так Одесса потеряла блестящего ученого-историка и археолога.

После этого Женя приезжал в Одессу трижды, последний раз — осенью 2004 года. За годы жизни в Америке он написал и издал пять книг одесских рассказов: "Триумф апогея" (Нью-Йорк: Слово — Word, 2001), "Одесские миражи" (Тюмень, 2002), "Изделие № 2" (Нью-Йорк: Слово — Word, 2002), "...тогда в Одессе" (Одесса: Оптимум, 2004) и "Третье кругосветное" (Одесса: Оптимум, 2004). Книги презентировались во Всемирном клубе одесситов. Они пронизаны ностальгией по городу, в котором Женя провел молодость и который вынужден был покинуть. Печалью преисполнена и его последняя культурологическая научная статья "Одесса-мама" (Слово — Word, № 42). Так Одесса обре-

ла яркого и талантливого писателя. Но как ученый он был "убит" обстоятельствами еще в 1990 году — в Америке он археологией фактически не мог заниматься. А 6 мая 2005 года его не стало — не дожидаясь двух недель до своего 56-летия. Внезапно остановилось сердце. Сильно подозреваю, что его окончательно убили научная нереализованность и тоска по Одессе.

В 1970-80-е годы мы с Джоном почти всегда работали вместе в одних и тех же экспедициях, школах и домах пионеров. Как учителя истории мы хорошо видели, какой огромный пробел в краеведческом образовании зияет в древнейшей истории нашего края. И мы писали очерки о своих совместных археологических находках и открытиях, которые публиковались в местных газетах. Они были адресованы широкой аудитории. Эти же очерки (в соавторстве с А.Д. Бачинским) были изданы в виде "Книги для чтения по истории Одесщины" (1992), предназначенной для старших школьников. Она была рекомендована к изданию Одесским областным управлением народного образования.

"Книга для чтения..." органично внедряла свежую научную информацию прямо в учебный процесс. Она оказалась удачной и весьма востребованной школьниками и учителями, ее давно невозможно достать. Незадолго до своей смерти Женя мне предложил частично обновить, "освежить" и переиздать наши совместные очерки о предистории Одессы. Мы с ним начали эту работу, но вместе завершить ее не успели. Остается сделать это самому.

Одни очерки "Предистории Одессы" написаны по материалам археологических экспедиций 1970-80-х гг., а другие — дописаны по новым, самым свежим данным, полученным при раскопках в Одессе в последние годы. Изданием этой книги как учебного пособия для школьников я хочу также отдать должное педагогической стороне яркого и удивительного таланта Евгения Новицкого. Он был замечательным учителем, его очень любили дети.

Андрей ДОБРОЛЮБСКИЙ
доктор исторических наук, профессор

Где была Ени-Дунья?

Принято считать, что Ени-Дунья (Новый Свет) и Хаджибей — это одна и та же крепость, которая начала строиться турками для подготовки очередной войны с Россией в 1764 г. Между тем единственным источником, указывающим на такое отождествление, является сообщение войскового толмача (переводчика) Константина Иванова. Летом 1764 г. Иванов, посланный из Запорожья с дипломатическим поручением к Крымскому хану, доносил своему начальству, что "в 50 верстах от Очакова, при море, по направлению к Белгороду, делается крепость, коей наименование Ени-Дунья, т. е. Новый Свет, прежде же там было село именовалось Куджабей. Она же крепость зачалась делаться сего года с весны, а делают ту крепость волохи, на которую возят камень из степи, с речек и балок окольных". Это известие было воспроизведено в 1840 г. одесским историком А.А. Скальковским в "Истории Новой Сечи" и с его легкой руки "прописалось" в краеведческой литературе.

Между тем никакими другими свидетельствами 1760-80 гг. такое отождествление Ени-Дуньи с Хаджибеем не подтверждается. Напротив, эта крепость в дальнейшем именуется только лишь Хаджибеем. Уже в следующем датированном источнике — "Плане... турецкого города Гаджибея", составленном поручиком Иваном Исленьевым в мае 1766 г., — о Ени-Дунье речи нет. И казацкие походы в 1769 и 1770 гг. были направлены, в частности, на Хаджибей. Во время заключения Кючук-Кайнарджийского мира летом 1774 г. "Гаджибейский замок" был взят русскими войсками, а затем возвращен Турции. В 1789 г. под Хаджибей ходили черноморские казаки З. Челеги, отряд И. де Рибаса брал именно Хаджибейскую крепость.

Название "Ени-Дунья", таким образом, исчезает из сообщений о Хаджибейском замке едва ли не с начала его строительства. Известно лишь сообщение запорожского кошевого, что летом 1774 г. Ени-Дунья была взята русскими, но не указывается, где она находилась.

Зато имеется источник иного рода о Ени-Дунье — это карта черноморского побережья, которая была составлена Риччи Заннони в 1772 г. На ней Ени-Дунья (leni-duni) помещена к западу от устья Тилигульского лимана, а не на месте Хаджибея. Однако одесский историк XIX в. профессор Ф.К. Брун считал эту карту ошибочной, поскольку она противоречит сведениям Иванова: тогда Ени-Дунья "находилась бы в 25 тогдашних верст от Очакова, а не в 50, тогда как таково именно расстояние между этой крепостью и Гаджибеем — нужно только бросить взгляд на карту Риччи, чтобы убедиться в том, что он, помещая Ени-Дуню при Тилигуле, скорее мог ошибиться, нежели Иванов".

Одесские археологи в 1994 году провели специальные раскопки на местности, где согласно карте Риччи Заннони, должна была находиться Ени-Дунья. На мысу, образуемом западным берегом долины Тилигула и обрывом к морю, обнаружилось небольшое поселение турецкого времени. Со стороны степи мыс поперечно огражден сильно оплывшим земляным валом. В центральной его части культурный слой достигал мощности 1 м. Он образован преимущественно оплывшими стенами строений из необожженной глины, которые возводились на фундаментах из каменного бута, засыпанного в предварительно вырытые траншеи. На поверхности во множестве найдены обработанные известняковые плиты,

фрагменты турецкой керамики, стеклянных бутылок и железных изделий, которые датируются третьей четвертью XVIII века. По археологическим остаткам можно видеть, что это было укрепление для караула или пограничной заставы. Очевидно, это была охрана и служба при маяке у входа в Тилигульский лиман, бывший тогда еще судоходным. Вероятно, Ени-Дунья погибла в ходе военных действий русско-турецкой кампании 1789-91 гг.

Именно это место обозначено Риччи Заннони как leni-duni. В таком случае совпадение времени существования памятника с датой составления карты (1772 г.) позволяет уверенно зафиксировать наличие здесь в третьей четверти XVIII века турецкого укрепленного пункта — Ени-Дуньи. Это означает, что картограф не ошибался, — наличие совпадения датированной карты и археологических сведений.

А возражения профессора Ф.К. Бруна, видимо, были вызваны его измерениями расстояний на запад от Очакова по морскому побережью. В таком случае Ени-Дунья действительно должна оказаться на месте Хаджибея. Если же учесть, что при сухопутном передвижении из Очакова на запад было необходимо обходить с севера Березанский и Тилигульский лиманы, то путь неминуемо увеличивался вдвое. Похоже, что именно это обстоятельство и имел в виду толмач Иванов, указывая расстояние от Очакова до Ени-Дуньи в 50 верст. И последующее отождествление крепости Хаджибей с Ени-Дуньей связано с историографическим недоразумением.

Турецкие военные укрепления вдоль морского побережья между Южным Бугом и Днепром перед окончательной утратой Турцией "Очаковской области" по Ясскому миру 1791 г. были следующими: Очаков, Гасан-Кале (Рыбаковка), Возия (восточный берег Тилигула), Ени-Дунья (западный берег Тилигула), Хаджибей (Одесса), Хаджидер (Овидиополь).